

Мария Михайлова

— доктор филологических наук, Заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, преподает на кафедре истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета.

Анастасия Назарова

— кандидат филологических наук, преподаватель кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

ПИСАТЕЛЬСКИЙ ДИАЛОГ И СОПЕРНИЧЕСТВО: И.А. БУНИН И Е.Н. ЧИРИКОВ

Имя И.А. Бунина сегодня на устах у всех почитателей, любителей и знатоков русской литературы первой половины XX века, но причиной тому не только праздновавшееся в 2020 году 150-летие со дня рождения писателя. Его творческие прозрения не теряют глубины и актуальности для читателей и исследователей истории отечественной художественной словесности начала XXI века, раскрывая перед ними все новые грани бунинского дарования и обогащая как российское, так и зарубежное литературоведение новыми и перспективными направлениями научного поиска. Одним из них является проблема личных и творческих контактов Бунина с другими художниками слова.

На сегодняшний день восстановлены связи Бунина с его великими современниками (Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, М. Горький), с которыми его соединяли восторженные, почтительные, а по отношению к Горькому и очень противоречивые отношения. Сказано о восприятии им Достоевского и Гоголя. Прорисован и взгляд Бунина на модернизм, который с внешней стороны выглядел как презрительно-уничижительный (Бунин был уверен, что модернизм искажил завещанное русской литературе ее великими основоположниками, разрушил все святое для русского писателя), а внутренне не исключал учебы у модернистов, восприятия способов и приемов изо-

бражения, которые во многом диктовались и общекультурной атмосферой Серебряного века.

Гораздо менее изучены контакты Бунина с писателями-реалистами, его коллегами по литературному объединению «Среда», товариществу «Знание». Даже «переключки» с А.И. Куприным, с которым у Бунина существовало дружеское общение, не исследованы не только в частностях, но и в общем. А о «соприкосновениях» с дорогим сердцу Бунина Борисом Зайцевым не написано в общем ни строчки, если не считать указания на факты их биографий. Что уж говорить о тех, кто лишь «спорадически» попадал в поле зрения Бунина! А вот зададимся вопросом, почему он в течение года присматривался к не самому умному человеку, но очень яркому драматургу Сергею Найденову и даже пропутешествовал с ним по Европе? Не хотел ли он и сам стать драматургом? А его постоянные контакты с почти забытым ныне Александром Федоровым не свидетельствуют ли о том, что от него он впервые услышал про Палестину, Восток, буддизм и пр.? А ведь есть и те, с которыми он почти не переписывался, соприкасался очень редко, свел шапочное знакомство?

Тем не менее сходство общность может быть выявлена и в этом случае. И здесь одним из самых интересных представителей литературного мира может быть назван известный в начале XX века драматург, публицист, прозаик Евгений Чириков. Приглядевшись к творчеству того и другого писателя, можно выявить многие за-

кономерности в литературе Серебряного века, прочертить в ней ведущие линии, обнаружить векторы интересов и т.п., что, в свою очередь, позволит существенно расширить представление о закономерностях творческой эволюции Бунина и его взаимоотношениях с литературным окружением.

Сопоставление произведений Бунина и Чирикова демонстрирует, что творческое развитие каждого художника слова прошло ряд сходных этапов, которые хотя и не совпадают хронологически, однако позволяют выявить общность идейно-тематических пластов в их творчестве. И одними из главных должны быть названы судьба русской деревни, загадка русского национального характера, тема любви и размышления над вечными ценностями человеческого существования, истоки катастрофических событий в истории России начала XX столетия и европейской цивилизации в целом, феномен писательской индивидуальности и миссия художника в обществе. А это, в свою очередь, отчетливо указывает на существовавший между писателями длительный мысленный диалог и, возможно, творческое соперничество.

Истоки художественных исканий литераторов изначально лежали в разных плоскостях. Бунин был сосредоточен преимущественно на постижении общепhilosophических проблем и «вечных» загадок человеческого существования: «смысла смерти», роли времени в жизни людей, красоты, природы, власти и значении любви. И хотя он остро реагировал на социальные про-

тиворечия современной ему действительности, все же в произведениях, посвященных пореформенной деревне и ее обитателям, сосредоточился не на социальном противостоянии бывших рабов и господ, а на изображении именно уходящего дворянско-мужицкого уклада жизни, на котором многие века держалось бытие России. В нем он видел сложный узел отношений, который вынуждена будет распутывать страна в наступающем столетии.

Чириков, заявивший о себе как бытовик и продолжатель реалистических традиций писателей-шестидесятников, главной целью своего творчества считал освещение социальных противоречий и идейных споров в российском обществе, а в годы Первой русской революции — прямого столкновения масс со своими угнетателями. Однако со второй половины 1900-х в результате пережитого им глубокого мировоззренческого кризиса писатель отошел от подобной проблематики и обратился к осмыслению красоты народно-православных основ русской жизни и культуры,

в которых видел источник преодоления многочисленных конфликтов и розни между современниками. Кроме того, пересмотр прежних идейно-политических убеждений и эстетических принципов подтолкнул художника к созданию своего рода «отчета» о содеянном в жизни, который воплотился в цикле романов с автобиографической основой. Они составили тетралогия «Жизнь Тарханова» (первая часть — «Юность», 1911; вторая — «Изгнание», 1912; третья — «Возвращение», 1914; последняя — «Семья» — была написана в эмиграции и увидела свет в 1924 году в Берлине), в чем-то предвосхитившую появление в конце 1920-х — начале 1930-х бунинской «Жизни Арсеньева». В тетралогии Чириков проследил процесс духовно-нравственного становления молодого человека, который с юных лет увлечен «политикой», но постепенно понимает ложность всех революционных проектов и нащупывает иной путь, связанный с писательским поприщем. Но в конечном счете писательской славе он предпочитает семейные ценности, что еще раз свидетельствует об

изменившейся позиции самого автора, который в качестве основы жизненного поведения отныне избирает нравственный стержень и христианскую веру.

Схожий процесс перестройки художественного мышления произошел с Буниным в 1910 годы, но в отличие от Чирикова этот поворот произошел как раз в противоположную сторону. На новом витке творческого развития у писателя отчетливо возникает и усиливается критический заряд по отношению к современной ему социально-исторической действительности. А это в эмиграции также поставит его перед необходимостью выявления смысла писательского труда, чему и оказалась посвящена «Жизнь Арсеньева». В конечном итоге художник находит его в сознательном стремлении творить красоту, в которой видит оправдание людского бытия, поэтому ставит ее выше всех прочих ценностей.

Несмотря на выявленную разницу в трактовках перечисленных тем, обращает на себя внимание тот факт, что оба писателя практически

завершают свой путь рассказами о любви. Бунин создает цикл «Темные аллеи» (1937—1944), а Чириков выпускает сборник «Вечерний звон» (1932). Но если первый сопрягает любовь со смертью, раскрывая любовную тему, рисует крушение основ мира, то второй, напротив, видит в любовных увлечениях юности, о которых с нежностью вспоминает, негаснущий свет, озаряющий всю последующую жизнь человека. И это, думается, свидетельствует о том, что, хотя Бунина в большей степени волновала космогония мироздания, метафизика существования индивидуума, а Чириков размышлял о нравственности человека, поисках им правды и добра, все же они оказались «впряженными» в одну этико-эстетическую «колесницу», что позволило одному стать мэтром в области художественного освоения действительности, а другому явить во всей полноте то, что воплощало для западного сообщества свойства именно русского характера — доброту, семейственность, порядочность, нежелание судить провинившихся, веру в спасение России.

